

Научная статья

УДК 811.111

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13403>

КОНЦЕПТ «БЕЛАЯ ВЕЖА» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ

Т.В. Поплавская , И.Л. Ильичева

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь

 ilitcheva@list.ru

Аннотация. Лингвокультурологический подход к пониманию концепта состоит в том, что он признается базовой единицей культуры, ее концентратом. Совокупность концептов образует концептосферу этноса и, соответственно, языка. В статье раскрывается содержание важного для региональной лингвокультуры, но малоизученного концепта «Белая Вежа». Рассматривается репрезентация концепта в поэтическом, медийном, маркетинговом дискурсах Брестчины. Фактическим материалом послужили произведения региональных поэтов, эргонимы и товарные знаки, медийные материалы, составившие картотеку контекстов. Выявлены языковые и неязыковые средства объективации компонентов концепта «Белая Вежа» в региональном коммуникативном пространстве. В структуре понятийного компонента исследуемого концепта выделяется общий смысл «дозорная крепостная башня оборонного типа». Образная составляющая концепта в региональной поэзии репрезентируется доминантными образами: «хранительница истории», «часовой», «сила», «мужество», «краса древнего зодчества», «каменная береза» и «Родина». Установлено, что невербальная репрезентация лингвокультурного концепта вносит в его экспликацию определенные коррективы, значительно увеличивая номинативную плотность. Языковое выражение лингвокультурного концепта «Белая Вежа» тесным образом связано с мировосприятием скульпторов и художников, обращавшихся к данной теме, и привлекает возможные знаки иных семиотических систем. Анализ доминантных характеристик лингвокультурного концепта «Белая Вежа», представленных посредством знаков разных семиотических систем, позволил выявить специфические характеристики региональной картины мира, национального менталитета и характера.

Ключевые слова: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концепт, семиотически ослуженный текст, знаки разной модальности, языковое сознание.

Для цитирования: Поплавская Т.В., Ильичева И.Л. Концепт «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестского региона Беларуси // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 41–54. DOI: 10.18721/JHSS.13403

THE CONCEPT OF “BELAYA VEZHA” IN THE COMMUNICATION SPACE OF THE BREST REGION OF BELARUS

T.V. Poplavskaia , I.L. Ilyicheva

Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus

 ilicheva@list.ru

Abstract. The linguoculturological approach to understanding the concept is that it is recognized as the basic unit of culture, its concentrate. The totality of concepts forms the concept sphere of an ethnos and, accordingly, a language. The article reveals the content of the important for the regional linguistic culture, but little studied concept of “Belaya Vezha”. The representation of the concept in the poetic, media, marketing discourses of the Brest region is considered. The factual material was the works of regional poets, ergonyms and trademarks, media materials that made up a card file of contexts. Linguistic and non-linguistic means of objectifying the components of the “Belaya Vezha” concept in the regional communicative space are revealed. In the structure of the conceptual component of the concept under study, the general meaning of “watch tower of a defensive type” is distinguished. The figurative component of the concept in regional poetry is represented by dominant images: “keeper of history”, “sentry”, “strength”, “courage”, “beauty of ancient architecture”, “stone birch” and “Motherland”. It has been established that the non-verbal representation of a linguocultural concept introduces certain corrections into its explication, significantly increasing the nominative density. The linguistic expression of the linguocultural concept “Belaya Vezha” is closely related to the worldview of sculptors and artists who addressed this topic, and attracts possible signs of other semiotic systems. The analysis of the dominant characteristics of the linguocultural concept “Belaya Vezha”, represented by signs of different semiotic systems, made it possible to identify the specific characteristics of the regional picture of the world, national mentality and character.

Keywords: cultural linguistics, concept, semiotically complicated text, signs of different modality, linguistic consciousness.

Citation: T.V. Poplavskaia, I.L. Ilyicheva, The concept of “Belaya Vezha” in the communication space of the Brest region of Belarus, *Terra Linguistica*, 13 (4) (2022) 41–54. DOI: 10.18721/JHSS.13403

Введение

В начале XX века культура, как справедливо отмечают Т.В. Евсюкова и Е.Ю. Бутенко, «смещается в эпицентр человеческого бытия, это происходит во всех сферах жизни, что объясняется многими обстоятельствами развития социокультурных процессов» [9, с. 11]. В современном мире успешно расширяются международные контакты в различных сферах экономической, общественно-политической, социальной и культурной жизни. В связи с этим особую значимость приобретает проблема «язык и культура». Культура любого этноса представляет собой семиотическую систему, «совокупность естественных реалий, артефактов и этических фактов, таких категорий как добро, зло, истина, совесть и т.п.» [9, с. 268]. Ценности культуры – историческое явление [6], а причиной, «вызывающей к жизни появление тех или иных культурных ценностей в разные исторические эпохи, выступает деятельность человека» [9, с. 269].

Одним из основных видов деятельности человека в разные эпохи было строительство башен – первых форм жилища, которые появились вслед за первобытной хижинкой. Первым сооружением данного типа считается Иерихонская башня, созданная в эпоху неолита. Башни имели самые различные назначения: в крепостях и замках служили для обороны и наблюдения за неприятелем, в церквях – для размещения колоколов, в ратушах и подобных общественных сооружениях – для часов, в морском деле – для вестовых огней и свистков (для предупреждения кораблей во

время тумана). Часто башни строились из чисто эстетических соображений или в качестве смотровой площадки.

В древнерусском крепостном зодчестве башня имела разные наименования: «*столп*» (известно с 986 г. до середины XIII в. для иноземных построек, а с середины XIII в. и для Руси), «*вежа*» (впервые известно с 1190 г.), «*стрельница*» (с XIV в. в Москве и Твери), «*костёр*» (с XIV в. в Новгородских и Псковских землях). Слово «*башня*» (башта) впервые известно с 1552 г. в связи с осадой Казани.

О башнях сложено много легенд и мифов, песен и стихов. Примером может служить легенда о появлении города Вильнюса. Литовский князь Гедимин увидел во сне волка, воющего на горе, и, проснувшись, обратился за толкованием сна к жрецу Лиздейке, который поведал, что этот сон предвещает появление сильной и непобедимой столицы. Так на горе в конце XIII – начале XIV в. вырос деревянный замок для защиты города от врагов. В начале XV в. при пожаре замок сгорел и на вершине горы была отстроена высокая каменная оборонительная стена с тремя башнями и замком в готическом стиле.

Образ башни получил свое осмысление и в художественной литературе. Так, образ Вавилонской башни широко представлен в европейской литературе (Ф. Кафка «Герб города», Т. Манн «Иосиф и его братья», Ф. Достоевский «Братья Карамазовы», А. Рудазов «Серая чума», Ф.С. Фицджеральд «Снова в Вавилоне»). Одной из самых страшных загадок французской истории является легенда о Нельской башне, согласно которой во времена правления сына Железного короля Филиппа IV неподалеку от стен башни парижане вылавливали в Сене не только рыбу. Знаменитый французский писатель Мишель Зевако в романе «Тайны Нельской башни» описывает одну из версий драматических событий, произошедших в начале XIV века при дворе Капетингов. В детской литературе, в сказках Братьев Гримм, мы встречаем описание башни, в которой ведьма Готель держала взаперти девушку с очень длинными волосами по имени Рапунцель.

Культура, по словам Ю.М. Лотмана, состоит из закодированных элементов сохраненного прошлого опыта, которые существуют в разнообразных формах, начиная от письменных текстов, символов, памятников, произведений искусства и кончая народными обычаями, обрядами, традициями [14]. «Культура, – подчеркивает Ю.М. Лотман, – всегда, с одной стороны, определенное количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов» [14, с. 8]. Символы пронизывают срезы культуры по вертикали, но никогда не принадлежат одному ограниченному пласту. Каждый человек, по словам В.А. Масловой, благодаря своим человеческим свойствам способен говорить на языке символов и понимать его [17]. Символ имеет архетипическую природу и передается нам на бессознательном уровне.

Образ башни в разных лингвокультурах обладает неисчерпаемыми смысловыми гранями, он многомерен, сложен и служит объектом исследования в разных сферах научного познания: в богословии, философии, в искусствоведении, семиотике, литературоведении, лингвокультурологии, лингвоконцептологии и др., наполняясь в каждой из названных областей иным содержанием, смысловыми оттенками и нюансами.

Познавая мир, каждый этнос категоризует его по-своему, «сквозь призму своей культуры, своего мироощущения, поэтому картина мира каждого этноса – это его особое мировидение, целостная модель мира» [3, с. 208]. В процессе категоризации «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека», по мнению Ю.С. Степанова [20, с. 41], предстает концепт, важнейшим средством объективизации концепта является язык.

В последнее время все более актуальным становится изучение ключевых концептов культуры, представляющих собой ядерные единицы картины мира определенной лингвокультурной общности, хранимые в человеческом сознании и опредмеченные в языке [7]. Каждый представитель лингвокультурного социума, как справедливо отмечает В.А. Маслова, – это «носитель определенных концептуальных систем. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире. Система концептов образует картину мира (мировидение, мировос-

приятие), в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый “концептуальный рисунок, на основе которого человек мыслит мир”» [15, с. 41].

С момента своего становления термин концепт допускает многозначность интерпретаций в парадигмах знаний различных научных направлений [4]. Различия в трактовках термина обусловлены, прежде всего, тем обстоятельством, что концепт является по своей сути междисциплинарным образованием, он используется в целом комплексе наук, в том числе в разных направлениях лингвистики, и, во-вторых, сложностью, многомерностью самого феномена [8, с. 70].

Интерпретация термина *концепт* к настоящему моменту принадлежит нескольким научным направлениям: *логико-лингвистическому* (Павиленис, 1983; Арутюнова, 1988, 1999; Никитина, 1991; Булыгина, Шмелев, 2000 и др.); *лингвокогнитивному* (Бабушкин, 1996; Кубрякова, 1997; Болдырев, 2001; Красных 2001 и др.); *психолингвистическому* (Пищальникова, 1993; Залевская, 2001, 2005; Уфимцева, 2004; Фрумкина, 2008 и др.); *лингвокультурологическому* (Степанов, 1997; Вежбицкая, 1999; Маслова, 2007; Попова, Стернин, 2001; Карасик, 2001; Воркачев, 2001; Слышкин, 2004; Пименова, 2004 и др.); *когнитивно-дискурсивному* (Баранов, 2019; Демьянков, 2001; Караулов, 2001; Кобозева, 2001; Чудинов, 2011; Шейгал, 2002). Для всех научных направлений характерно понимание концепта как многомерного образования, причем в каждом из этих направлений акцент делается на одном из его основных измерений.

При лингвокультурологическом подходе концепт рассматривается в рамках диады «язык – культура» [2, 5, 18]. Культура, по словам В.Н. Телия, – «это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивает диалог поколений» [22, с. 226]. В этой традиции концепт определяется как «сложный ментальный комплекс, который состоит из основного смыслового содержания, выстраивает вокруг себя ассоциативные ряды, обобщая как универсальный опыт человечества, так и включая национально-культурную» [24, с. 88], как «базовая единица культуры, ее концентрат» [19, с. 24].

А.П. Бабушкин и И.А. Стернин указывают, что «концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу [1, с. 7]. В научных исследованиях структура концепта представлена через описание: 1) этимологического слоя, актуального слоя и внутренней формы (Ю.С. Степанов и др.); 2) ядра, периферии и интерпретационного слоя (З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.); 3) понятийной, образной, ценностной и/или символической составляющих (Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др. ученые) [4, 11, 18].

Описывая структурные характеристики концепта, В.И. Карасик, кроме образной, выделяет понятийную и ценностную составляющие [10]. Образную составляющую, по справедливому замечанию автора, следует рассматривать как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [10, с. 27]; понятийную составляющую – как «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [10, с. 28]. По справедливому утверждению В.И. Карасика, ценностная составляющая с лингвокультурологической точки зрения является доминирующей, поскольку она более всего культурно значима.

Материалы и методы

Настоящая статья посвящена изучению концепта «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестчины. Цель статьи – выявление специфики вербализации лингвокультурного концепта «Белая Вежа» в различных видах дискурсивных практик (поэтической, медийной, маркетинговой). В качестве материала исследования были выбраны 115 поэтических произведений региональных авторов (Н. Прокоповича, Р. Боровиковой, М. Рудковского, Т. Чернулич, Н. Поповой, В. Лукши, К. Камейши и др.), 50 медиатекстов из региональных изданий «Вечерний Брест» и «Брестский курьер» за период с 2011 по 2022 г., 95 прагматонимов и эргонимов, выделенных методом сплошной выборки из официальных сайтов предприятий Брестского региона.

В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором было зафиксировано языковое обозначение концепта «Белая Вежа». Из выявленных в ходе исследования случаев вербализации концепта «Белая Вежа» в поэтических произведениях и медиатекстах были отобраны для анализа 250 текстовых фрагментов.

Методы исследования – когнитивно-дискурсивное моделирование смыслов концепта в различных контекстах; описательный метод; систематизация и обобщение функционирующих в маркетинговом дискурсе прагматонимов; метод лингвокультурологического (лингвострановедческого) комментирования.

Результаты исследования

Для анализа концепта «Белая Вежа» необходимо прежде всего обратиться к понятийной составляющей, зафиксированной лексикографическими источниками, поскольку ядром лингвокультурного концепта «Белая Вежа» является словарное значение лексемы «вежа». В новом словаре русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой дано следующее определение слова *вежа*: ж. 1. Башня, дозорная вышка (на Руси IX – XIII вв.); 2. Шатер, кибитка (обычно о жилищах древних кочевых племен или инородцев в Российском государстве до 1917 г.)¹. В словаре В.И. Даля читаем: ВЕЖА – стар. намет, шатер, палатка; кочевой шалаш, юрта, кибитка; башня, батура, каланча². В словаре военно-исторических терминов «вежа» описывается как старый русский термин, применявшийся до XVI в. и означавший крепостную башню. Вежей назывался также укрепленный полевой лагерь, а иногда и крепость.

Согласно Ипатьевской летописи, Белая Вежа была построена в 1276 году по распоряжению князя Владимира Васильковича, который в ходе очередного похода на Литву выбрал место у реки Лесной для строительства: «... и послал князь Владимир мужа именем Алекса вежу построить вместе с местными жителями у реки Лосны (Лесной), а позже город там построить... Вежа должна быть высотой в 17 сажень на удивление всем видящим ее». Каменецкая башня представляла собой особый тип оборонительных сооружений, характерный для волыньских башен в XIII–XIV вв. на западных землях. Таким образом, в содержании концепта «вежа» лексикографы выделяют общий смысл: дозорная крепостная башня оборонного типа.

В коммуникативном пространстве Брестчины предмет архитектуры – Каменецкая башня – преобразуется в культурный объект и осмысливается как лингвокультурный концепт. Ярким доказательством этому служит ряд фактов. О Белой Веже сложено много поэтических произведений, концепт «Белая Вежа» воплощен в ряде пейзажных зарисовок. В 2009 году в самом центре Бреста было представлено удивительное произведение – монумент Тысячелетия Бреста. Одна из скульптур монумента – владими́ро-волыньский князь Владимир Василькович, который держит в левой руке Каменецкую башню, что, безусловно, подчеркивает историческую ценность этого сооружения для жителей региона. Словосочетание «Белая Вежа» можно встретить не только в песнях, произведениях искусства, в названиях фестивалей, мероприятий, конкурсов, детских кружков, исторических клубов, творческих коллективов, но и в названиях кафе, ресторанов, туристических фирм, санаториев, продуктов питания и так далее.

Традиционно материалом для исследований в русле лингвокультурологии становятся произведения художественной литературы, имеющей статус общенационального культурного достояния. К таким текстам можно отнести поэтическое наследие региональных авторов, обладающих мастерством владения языком.

Анализ позволяет выделить шесть доминантных образов, актуализирующих концепт «Белая Вежа» в лирике региональных авторов: хранительница истории, часовой, сила, мужество, краса древнего зодчества, каменная береза и Родина.

¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.

В значительной части региональных поэтических материалов Белая Вежа рассматривается как героическая башня. Известно, что начиная с XIV в. башня много раз выдерживала набеги крестоносцев, штурмы войск польских и литовских князей. В XVII в. около стен Камянецкого замка разворачивались кровопролитные бои между армиями Речи Посполитой, Швеции и Русского государства. Так, для многих региональных авторов Белая Вежа – **хранительница истории**, свидетель событий, происходящих на протяжении веков: *Дней минувших безмолвный свидетель, / Верный сторож родных рубежей. / Целый ряд пережитых столетий / Пролетел незаметно над ней / И не раз любопытный прохожий / Вероятно подумал о том: / «Ты могла бы и все же не можешь / Рассказать о себе, о былом...»³.*

Общим для лирики образом, вербализующим лингвокультурный концепт, является образ **часового**, обороняющего свою родную землю: *Білі золатам і жалезам, / Чорны дым засцілаў зару, – Ты стаяла, Белая вежа, / Прыкрываючы Белую Русь⁴.*

Созвучное образное описание находим и стихах В. Лукши и Ю. Дорохова: *Князь пільна дбаў пра непахіснась межаў, / Каб менш было пакутных страт і зуб, – / На ўскрайку векавечнай Белавежы / Пры беразе ўзвёў каменны слуп. / Слуп гораду бяспеку гарантуе – / Як верная зарука ад зарук – / За вёрсты бачыць і за вёрсты чуе: / Чужак ідзе, або надзейны друг⁵; В веках над городом на страже / Взметнулася башня, глядя ввысь. / Как исполин, стоит громадой, / Сурово смотрит сверху вниз⁶.*

В. Шнип в своем стихотворении «Балада Белай Вежы» тоже «рисует» Белую Вежу как защитника родной земли и хранительницу истории: *«вежа стаіць на зямлі, як стражнік, як помнік людзям, што жылі», «як Белая Вежа, як сэрацаў цяплынь у завейнасць зімы», «Белая Вежа, як Ноеў каўчэг, плыве праз дажджы, праз стагоддзі, праз снег»⁷.*

У Н. Поповой основа образа Белой Вежи – **мужество** (*Белая вежа стоит / на высоком холме / Силою мужества древних / и мудрых славян. / Там, где закаты горели, / пылали в огне, / Стрел от-ражала в жестоком / бою ураган*) и **красота древнего зодчества** (*Белая вежа шагнула в пору / наших дней – / Древнего зодчества сила, / краса, простота. / Непобедима стоит / над рекою Лесной*)⁸.

У Я. Лайкова доминантный образ – образ мужества, силы и достоинства: *ладдзя не распачы, / а годнасці і сілы, / спрадэку бараніла ты сыноў / Айчыны, ажыўляла зноў і зноў / ваярскі дух. Ні ў кога не прасіла / ты літасці. Таму мы праз вякі / у велічы тваёй свой сімвал бачым. / Мы ёсць, бо ёсць гісторыя, / іначай / не нацыяй былі б мы, / а нікім⁹.*

Символический образ **каменной березы**, своего рода «белой крепости людской чистоты» принимает Белая Вежа в лирике Казимира Камейши: *над вечнай страхою / пушчанскіх бароў / Стаіш ты, / гайдаеш аблокаў вясну. / І белае стволле тутэйшых бяроз / Табе аддае сваю ўсю белізну. / Бяроза каменная / краю майго, / Ці раз цябе вораг ішоў ачарніць. / Аблокамі белымі коцяцца дні / За векам, / за думкай маёй наўздагон. / Ты – белая крэпасць маёй чысціні. / Бяроза каменная краю майго¹⁰.*

В стихах Раисы Боровиковой Белая Вежа – Родина, дом. В этом образе Белая Вежа тесно связана в региональном языковом сознании с понятием малой родины: *Прыводзяць шляхі-дарогі / Да Белай Вежы на ўзлессі! / Як да бацькавага парога / Іду да цябе, Палессе! / Сумую – мой лёс-гарэза /*

³ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 69.

⁴ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 68.

⁵ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 63.

⁶ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 5.

⁷ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 60.

⁸ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 67.

⁹ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 66.

¹⁰ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 59.

Выносіць на хвалях хуткіх / Учысты да слёз бярэзнік, / У царства алешын гнуткіх. / Бывала ў далонях люляла, / Тулілася цела гарачым, / Рамонкам заўсёды ўяўляла / Цябе ў летуценнях дзіцячых! / І бегла, дзе жыта радзіла, / Збожжа насіла ў вядзерцы, / Іду да цябе, радзіма. / З матчынай песняю ў сэрцы.¹¹

Концепт «Белая Вежа» яўляецца рэгулятыўным ментальным образованием, і поэту яго абразно-перцептыўныя прызнакі неразрывно сліты з ацэночнымі. Описываючы Белую Вежу, ряд аўтараў тесна звязвае яе з знаходзіцца ўблізі горадам Каменцам і нацыянальным паркам «Белавежская пушча», маркіруючы тэрыторыю агульнымі словасочетаннямі «Камянецкі напрамак», «Камянецкая старана», «Белавежскі край»: 1) *Белавежская пушча і Белая вежа, / Камянецкі напрамак – сюды вядзе след, / Тут чакаюць гасцей нават з-за межы, / Нашы мясіны ўвайшлі ў новы век¹²*; 2) *Ой, ты радасць мая адвечная – Камянецкая старана! / Бачу слынную Белую вежу я, / Так далёка відна яна.¹³* 3) *О, край Белавежскі – жамчужына наша, / Цябе палюбіў я з маленства душой¹⁴.*

Просторы Белавежскага края ў стихах рэгіянальных аўтараў рэпрэзентуюцца перцептыўнымі асоцыятамі ў рамках асноўных модусаў перцепцыі (зрэнне, слух, асязання, абоняння, вкрас). У рада поэтаў Брэсцкага на першы план выходзіць зрэнне, яны па пераважнасці храняць мір ў карцінках, поэту пры апісанні Белавежскага края ў іх поэтычэскай мове дамінаваць «зрытэльная» лексіка, рэпрэзентуючая 85 кветкаабазначэнняў.

Часта абазначэнне кветка мае сімвалічэскае рашэнне: *«рабіна гронкай распаліла світанак там, дзе лес радзее»¹⁵*, *«вечар у чорны бархат неба / Зорак жоўтых б'е квікі»¹⁶*, *«бярэца скупа жоўтым кронам, сумуе восеньская медзь»¹⁷*, *«над табой карона з промняў»¹⁸*, *«там, дзе заката горелі»¹⁹*, *«перезвон зеленых крон»²⁰*, *«час запаліцца малінавай зорцы»²¹*, *«гарэла пушча залатым пажарам»²²*, *«верасень на плечы ўскінуў плашч барвовы»²³*, *«кронам ў пазалоце, расквітае верас»²⁴*. У рада выпадкаў у рэгіянальных поэтаў матавіраваннасць кветкаабазначэння ў коларатывных абразах вар'іруецца ў шырокіх межах. Аўтары зазначаюць і апісваюць тонкія дэталі, кветкавыя пераходы. Восхытаючыся красотаю Белавежскага края, яны выхватаюць яркую характэрную дэталю, прадставіў яе метафараічэскай словасочетаннем. Так, ў стихатворенні І. Верас «Белавежская весна» лексічэскія адзінкі атрымаюць новае кантэкстуальнае значэнне: *«і аткрыюць медуныцы скоро синія глеза», «дзень шагае з вешняй песняй / ў дымку тонкай, залатай...», «на ольхе висяць падвескі фіялетавым дымком»²⁴.*

Напоўненне поэтычэскай канвы ізабіліем коларатывнай і одаратывнай лексікі дазваляе аўтарам сфармаваць каштавы, абагацены араматывамі, аблік роднага Белавежскага

¹¹ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 66.

¹² Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 4.

¹³ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 18.

¹⁴ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 30.

¹⁵ Баравікова Р.А., Дрэва для райскай птушкі : лірыка. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. С. 203.

¹⁶ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 28.

¹⁷ Баравікова Р.А., Дрэва для райскай птушкі : лірыка. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. С. 28.

¹⁸ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 68.

¹⁹ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 67.

²⁰ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 61.

²¹ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 57.

²² Белавежская пушча ў духоўнай і культурнай спадчыне беларусаў. Брэст: ААТ Брэсцкая друкарня, 2003. С. 133.

²³ Белавежская пушча ў духоўнай і культурнай спадчыне беларусаў. Брэст: ААТ Брэсцкая друкарня, 2003. С. 155.

²⁴ Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліатэка імя У. Ігнатаўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 35.

края: *Мой край заповітны, над сонцам ці ветрам. / Любою парою ты ў думках са мною. / Паўсюль на вясне ў першацвэтах узлескі / Блакітным паглядам чаруюць пралескі. / Чаромха выходзіць, як тая нявеста, / У садзе вясновым аж водару цесна. / Усюды, дзе глянеш, загадкавасць ёсць / І ў кожнай трыцінцы свая прыгажосць*²⁵.

Наряду с цветом и запахом поэты используют звуковые характеристики образа. Именно звучание реализует замысел поэтов, помогает им точнее и ярче выразить свою мысль. Образ звучания усиливает возникающее впечатление. Одним из излюбленных приемов региональных авторов является аллитерация, т. е. способ звуковой организации речи, выражающийся в симметричном повторении однородных согласных звуков. С помощью аллитерации авторы не только маркируют семантически значимые единицы, но и создают перцептивные образы: «*глыбокі лістанад ў Белавежы, шуміць лістота пушчы векавой*»²⁶, «*у чароўнай пушчы, ў нашай Белавежы, / не сціхае пошум подух ветру свежы*»²⁷, «*пошум шматгалосы як на моры ўплёсы. Расплятае восень залатыя косы*»²⁶, «*гэта ж проста восень адшумела. / Ліставеем сэрца апякла*»²⁸. Фрагменты стихотворений своим фонетическим строем подкрепляют семантику текстов. Обилие согласных, в особенности [с], [х], [ш] и [ж], «озвучивает» шелест листвы, образ ветра и шума сосен.

Рассматривая способы репрезентации концепта «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестчины, следует остановиться на вопросе номинативной плотности концепта. Под номинативной плотностью понимается степень детальности языковой репрезентации определенного концептуального пространства, детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого [11]. Количество когнитивных номинаций свидетельствует о высокой или низкой номинативной плотности концепта.

Высокая номинативная плотность лингвокультурного концепта «Белая Вежа» свидетельствует о коммуникативной релевантности концепта, об актуальности его осмысления и чрезвычайной важности для практической деятельности жителей региона. Вместе с тем, нельзя не признать тот факт, что невербальная репрезентация лингвокультурного концепта вносит определенные коррективы, значительно увеличивая его номинативную плотность.

Известно, что содержание культуры в целом представлено различными составляющими: это нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа, воспитание, экономика, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа [16]. Эти области реализуются в языке в виде системы кодов культуры. Код культуры – это «макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; некая понятийная «сетка», используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир» [13, с. 5]. Язык позволяет обнаружить смену культурных ориентиров, культурных кодов, которые формируют человека и его мировидение [21]. Другие семиотические системы вносят в общую языковую палитру дополнительные смысловые оттенки.

Значительную роль в актуализации культурных смыслов играют вербальные и визуальные прецедентные феномены, поскольку они представляют собой «путь и ключ к раскрытию фрагмента национального культурного пространства, а также к описанию и выявлению культурно-ценностной информации в содержании исследуемого имени того или иного языка» [25, с. 36]. К невербальными прецедентным феноменам В.В. Красных относит «произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т.д.» [12, с. 171]. Описываемый концепт отражен в ряде видов искусства, таких, например, как живопись. Как справедливо отмечает В.А. Маслова, «выделяя тот или иной фрагмент мира для описания, художник концептуализирует мир, наполняя личностными смыслами сущностные реалии бытия. Он как бы конструирует собственную

²⁵ Свой родны край у вершах славім: зборнік вершаў і песень; склад. С. Д. Курачук. Кобрын, 2019. С. 76.

²⁶ Белавежская пушча ў духоўнай і культурнай спадчыне беларусаў. Брэст: ААТ Брэсцкая друкарня, 2003. С. 242.

²⁷ Белавежская пушча ў духоўнай і культурнай спадчыне беларусаў. Брэст: ААТ Брэсцкая друкарня, 2003. С. 155.

²⁸ Баравікова Р.А., Дрэва для райскай птушкі : лірыка. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. С. 192.

реальность, и часто его ментальный мир почти так же значителен и глубок, как и реальный» [15, с. 159].

Концепт «Белая Вежа» выносится в название ряда пейзажных зарисовок известного белорусского деятеля Наполеона Орды, вошедшего в историю как мастер архитектурного пейзажа, гениальный художник, который смог остановить время. В зарисовках Н. Орды прослеживается конкретность видения мира, своего рода документальная подробность пейзажа. Острым глазом художника точно схвачены и перенесены на полотна детальные черты облика Каменецкой башни, отображено эмоциональное отношение к своей земле и истории. На гравюре по акварели «Каменецкая башня» (1876) Н. Орды Каменецкая башня, вздымаясь ввысь на левом берегу реки Лесная, занимает доминантную позицию. Башня круглая, немного сужающаяся кверху, разделена на 5 ярусов (этажей). Над верхним ярусом расположен купольный свод. В стенах нижних 4 ярусов расположены узкие щелевидные бойницы. Тема величия башни, ее таинственности, задается художником не столько размерами домов и деревьев на первом плане, сколько, живописным пейзажем местности и уходящей вдаль рекой. Распространенная в то время техника литографии оказалась лучшим способом для быстрого тиражирования изображений памятников древности, сделал их известными широкому кругу зрителей.

Концепт «Белая Вежа» Н.И. Гуршенков выносит в название триптиха, представляющего этапы строительства Каменецкой башни. Картина А.В. Пашкевича «Осада Каменца» рождает динамические образы. Художник наглядно передает фрагмент осады Каменца в XIV в. крестоносцами, для которых первой тактической задачей был захват Каменецкой башни.

Одним из способов закрепления содержания культурного кода являются несловесные памятники творчества и арт-объекты. Памятники маркируют пространство региона, создавая и меняя его символический ландшафт.

Смысловый посыл, который несут арт-объекты, преломляется сквозь призму восприятия их жителями региона, при этом важным условием их принятия/отвержения является контекстуальный базис, регион как коммуникативное пространство функционирования и развития общностей в трудовой, общественной и досуговой деятельности.

Возведенный в 2019 г. Памятник Тысячелетия Бреста олицетворяет своеобразную модель города, выраженную в исторических образах и обобщённых образах жителей города. Под покровительством ангела-хранителя расположены фигуры исторических деятелей – князя волынского Владимира Васильковича с Брестской Каменецкой вежей в руках, великого князя литовского Витовта с мечом и в короне и Николая Радзивилла Черного. Архитектурный облик Каменецкой башни в виде симбиоза пограничного знака и логотипа агрозаведения «ОАО Агро-Пелище» расположен на въезде в Каменецкий район, на северо-восточном въезде в Брест находится стела, напоминающая своей формой башню. Памятники истории и культуры выступают не только объектами культурного наследия, но и манифестируют видение общего будущего, без которого невозможна интеграция таких социальных общностей, как народ, этнос, нация.

В геральдике Брестчины присутствует изображение красной башни. В гербе города Каменца в верхней части щита корона размещена в красном стенчатом поле, геральдически представляющем каменную кладку архитектурного сооружения с зубцами, венчающими Каменецкую башню. По поводу этого выпуклого зубчатого деления красного колера белорусские историки В.И. Адамушко и М.М. Елинская в своём труде «Гербы и флаги Беларуси» написали следующее: «*Зубчатое деление в стилизованной форме передаёт контуры Каменецкой башни, уникального памятника военного зодчества XIII в...*»²⁹. В аналогичном с гербом стиле и с теми же геральдическими знаками выполнен и флаг Брестчины. Зубчатое деление в стилизованной форме передает контуры Каменецкой башни, уникального памятника военного зодчества XIII в., и символизирует героическое прошлое народа, связь времен.

²⁹ Адамушко В.И., Елинская М.М. Гербы и флаги Беларуси. Минск: Беларусь, 2006. 256 с.

Силуэт Каменецкой башни с характерными зубцами наверху присутствует на эмблеме чемпионата по спортивному ориентированию «Беловежье», коврах производства «Ковры Бреста», гербе республиканского санатория «Белая вежа», памятной монете из серии «Памятники архитектуры Беларуси», шевроне униформы сотрудников Беловежской пуши.

Концепт как сложный ментальный комплекс включает, помимо смыслового содержания оценку, отношение человека к тому или иному отображаемому объекту. В региональном медийном пространстве исследуемый концепт является предметом особого внимания. Достаточно назвать международный театральный фестиваль «Белая Вежа» – один из престижных фестивалей, проходящих в Западном Полесье Беларуси. На протяжении первых лет существования (с октября 1996 года) открытие фестиваля проходило в Каменце.

Концепт «Белая Вежа», как показывает анализ медиатекстов, опубликованных в региональных еженедельных изданиях «Вечерний Брест» (далее «ВБ») и «Брестский курьер» (далее «БК»), позиционируется как *«международный бренд <...>... без него наша жизнь невысказана»* (БК, 10.09.17), *«наша гордость»* (БК, 10.09.17), *«свежее, живое явление на фоне культурной жизни Бреста»* (БК, 10.09.17), *«проект уникальный: единственный в Беларуси именно многожанровый фестиваль»* (ВБ, 10.09.22), *«пользуется популярностью зрителя»* (ВБ, 10.09.22), *«знаковое событие в культурной жизни Бреста»* (ВБ, 09.09.21).

Смысловое наполнение концепта «Белая Вежа» в мультимодальных региональных СМИ реализуется прежде всего посредством лексем-репрезентантов положительной коннотации: *уникальный, престижный, чарующий, особенный, неповторимый, захватывающий, неподражаемый, единственный, красочный*. Органичным дополнением к вербальному тексту служат визуальные компоненты (рисунки, фотографии, инфографика, видеосюжеты). Знаки разных модальностей, взаимодействуя на разных уровнях (содержания, языка, композиции), создают целостный облик фестиваля. Поликодовость придает медиатекстам особый динамизм, экспрессивность и фактологическую насыщенность.

В маркетинговом дискурсе Брестчины визуальный силуэт Каменецкой башни стал одним из самых узнаваемых архитектурных символов, а словосочетание «Белая вежа» «стала одним из самых узнаваемых брендов Беларуси» (ВБ, 23.11.11). Использование лексемы «беловежский» в составе эргонима является отсылкой к территориальному признаку (Беловежскому краю). В ряде названий компаний использование лексемы «беловежский» служит для обозначения территориальной принадлежности организации Брестскому региону – ОАО мясокомбинат «Беловежский», ОАО «Беловежские сыры», ОАО «Беловежский гостинец», усадьбы «Беловежское поместье» и «Беловежская сказка», агроусадьба «Беловежская гостевая».

Главной особенностью прагматонимов является «принцип двупланной семантики», при которой товарный знак служит для обозначения определенного вида товара и одновременно является координатной лексической единицей, содержащей информацию о местонахождении предприятия. Такие номинации, связанные с географическими реалиями, можно рассматривать как результат «топонимической метонимии». На основе тополема *беловежский* номинирован целый ряд товаров – бренд сыра *«Беловежский трюфель»*, *«Беловежский пармезан молодой»*, *«Беловежский экстра»*; бренд мясных изделий *«Беловежская запечённая»*, *«вырезка по-беловежски»*, *«кавалочек по-беловежски»*, *«запеченная по-беловежски люкс»*; винно-водочные изделия *«Беловежский волат»*; пиво *«Беловежское»*; мороженое *«Беловежское»*; шоколадная продукция *«Беловежские зубры»*; хлебобулочные и кондитерские изделия: *«Белая вежа заказной»*, *«Белая вежа»*, *«Беловежский»*. Используемые в коммуникативном пространстве Брестчины прагматонимы выявляют тесную связь с культурными традициями в области номинации, с современной социальной и экономической ситуацией в Брестском регионе.

В ономатиконе Брестчины собственное имя Белая Вежа выступает в качестве носителя культурно значимой информации, приобретая символические свойства. В данном случае правомерно

говорить о том, что данный оним как один из ключевых имен региональной культуры так или иначе входит в структуру культурного кода, характеризуя региональную ментальность: годонимы (*улица Беловежская*), комонимы (*поселок Беловежский*), дримонимы (*Беловежская пуща*), эргонимы (*санаторий «Белая Вежа», клуб по спортивному ориентированию «Беловежье», клуб-казино «Белая Вежа»*), фитонимы (*сорт озимой тетраплоидной ржи «Белая Вежа»*), хрематонимы (*памятная монета из серии «Памятники архитектуры Беларуси»*).

Актуализация онимов в мультимодальном маркетинговом пространстве оказывается семиотически осложненной. Посредством взаимодействия вербального прагматонима и других семиотических модусов (изображение Каменецкой башни, зубра, аиста, пушанского леса, элементов геральдики) адресант обращает внимание целевой аудитории на регионально значимый мультимодальный комплекс. Иллюстрацией сказанному могут служить логотипы ряда предприятий и организаций Брестской области (ОАО «Беловежский гостинец», «Беловежские сыры», ОАО «Агро-Заречье»). Подобные логотипы, обладающие лингвокультурологической ценностью, представляют собой явление *интериконичности* – отсылки к прототексту не вербального, а визуального характера. Появление на региональном рынке брендовых номинаций данного типа обусловлено стремлением к разграничению «свое» и «чужое» и культивированием региональной идентичности; апелляцией к культурным ценностям Брестчины.

Еще одно новое наполнение концепта в коммуникативном пространстве Брестчины можно наблюдать на фестивале средневековой культуры «Каменецкая вежа». Реконструкция средневековых событий (турниры рыцарей и лучников, захватывающий штурм замка, город мастеров, конкурсы на лучший рисунок средневековой тематики на стене, выставка-продажа сувенирных изделий, средневековые музыка и танцы) выступает частью акционального кода культуры региона, которую правомерно называть механизмом коммеморативных практик, транслятором культурного наследия. Как писали Н.И. и С.М. Толстые, «культура есть иерархически организованная система различных кодов, т. е. вторичных знаковых систем, использующих различные формы и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, которое сводится к «картине мира», к мировоззрению данного социума. [23, с. 7].

Заключение

Анализ языковой репрезентации лингвокультурного концепта «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестчины позволяет сделать следующие выводы.

Лингвокультурный концепт является базовой единицей культуры, обладающей этнокультурной спецификой и транслирующей функционально значимую информацию о действительности. Широкое распространение концепта «Белая Вежа» в различных типах дискурса (поэтическом, медийном, маркетинговом) дает основание считать его одним из ключевых элементов региональной лингвокультуры.

Концепт «Белая вежа» имеет полевою структуру. Понятийная составляющая концепта может быть представлена базовыми признаками, вычленимыми на основе данных лексикографических источников, и периферийными признаками, выделяемыми в художественных и поэтических текстах. Образная составляющая концепта образована сетью взаимодействующих концептуальных метафор: антропоморфных, цветовых, световых, а также метафорой «Белая Вежа – ценная вещь».

Лингвокультурный концепт «Белая Вежа», являясь прецедентным культурно-определенным и национально-обусловленным концептом, находит широкое отражение в поэтических и художественных текстах региона. Образы, созданные региональными поэтами, – концептуальная характеристика, отражающая многогранную сущность Белой Вежи. Поэты пытаются постигнуть многовековую историю Брестчины и передать глубинный смысл метафорических образов Белой Вежи своим читателям. Языковое выражение лингвокультурного концепта «Белая Вежа» тесным

образом связано с мироощущением, мировосприятием скульпторов и художников, обращавшихся к данной теме и эксплицирует возможные знаки иных семиотических систем. Изучение языковых и неязыковых проекций концепта «Белая Вежа» в разных дискурсивных практиках позволило смоделировать лингвокультурный концепт, установить способы языкового осмысления действительности жителями региона и выявить приоритетные ценности в коллективной и индивидуальной картинах мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бабушкин А.П., Стернин И.А.** Когнитивная лингвистика и семасиология: Монография. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.
2. **Габдуллина С.Р.** Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
3. **Гаспарян Н.К.** Репрезентация концептов «родина» и «հայրենիք» (на материале русских и армянских паремий) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М.: РУДН, 2018. Т. 16. № 2. С. 207–223.
4. **Горянова Л.Н.** Структуры концептов МУДРОСТЬ и WISDOM и способы объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 26 с.
5. **Демешкина Т.А.** Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «болото») // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. Томск: ТГУ, 2019. № 62. С. 85–103. DOI: 10.17223/19986645/62/6
6. **Дмитриева А.В.** Прецедентные имена в российской политической рекламе: репрезентация ценностных эталонов и культурных символов // Вопросы ономастики. Екатеринбург: УФУ, 2021. Т. 18. № 2. С. 177–195. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.025
7. **Дмитриева Н.М., Чулкина Н.Л.** Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» – «Милосердие» – «Целомудрие» – «Добродетель» // Русистика. М.: РУДН, 2022. Т. 20. № 1. С. 52–67. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>
8. **Дудова Н.А.** Когнитивная лингвистика в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3. С. 69–71.
9. **Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю.** Лингвокультурология. М.: Флинта, 2014. 480 с.
10. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
11. **Карасик В.И., Попова З.Д., Стернин И.А.** Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
12. **Красных В.В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. 375 с.
13. **Красных В.В.** Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–21.
14. **Лотман Ю.М.** Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 191–199.
15. **Маслова В.А.** Введение в когнитивную лингвистику. М., 2011. 296 с.
16. **Маслова В.А., Данич О.В.** Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. М.: РУДН, 2021. Т. 19. № 2. С. 125–137. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137>
17. **Маслова В.А.** Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
18. **Мошина Е.А.** Сопоставительный анализ способов объективации концептов надежда и hope в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 28 с.
19. **Прохоров Ю.Е.** В поисках концепта. М.: Флинта : Наука, 2009. 176 с.
20. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
21. **Телия В.Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 212 с.
22. **Телия В.Н.** Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

23. Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 240 с.

24. Уразаева Н.Р., Морозов Е.А. Моделирование структуры концепта Licht в немецкой картине мира // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. Томск: ТГУ, 2019. № 59. С. 87–109. DOI: 10.17223/19986645/59/6

25. Янь К. Прецедентное имя В.И. Ленин в русском культурном пространстве // Русистика. М.: РУДН, 2022. Т. 20, № 1. С. 35–51. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-1-35-51

REFERENCES

[1] A.P. Babushkin, I.A. Sternin, Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya: Monografiya. – Voronezh: Ritm, 2018. 229 p.

[2] S.R. Gabdullina, Kontsept DOM/RODINA i yego slovesnoye voploshcheniye v individualnom stile M. Tsvetaeyevoy i poezii russkogo zarubezhya pervoy volny: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 24 p.

[3] N.K. Gasparyan, Rerezentatsiya kontseptov «rodina» i «հայրենիք» (na materiale russkikh i armyanskikh paremiy), Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. M.: RUDN, 16 (2) (2018) 207–223.

[4] L.N. Goryanova, Struktury kontseptov MUDROST i WISDOM i sposoby obyektivatsii ikh priznakov v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2012. 26 p.

[5] T.A. Demeshkina, Mir prirody v zerkale dialekta (na materiale kontsepta «boloto») // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. Tomsk: TGU, 62 (2019) 85–103. DOI: 10.17223/19986645/62/6

[6] A.V. Dmitriyeva, Pretsedentnyye imena v rossiyskoy politicheskoy reklame: reprezentatsiya tsennostnykh etalonov i kulturnykh simvolov, Voprosy onomastiki. Yekaterin-burg: UFU, 18 (2) (2021) 177–195. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.025

[7] N.M. Dmitriyeva, N.L. Chulkina, Transformatsii v semantike verbalizatorov eticheskikh kontseptov «Lyubov» – «Miloserdnye» – «Tselomudriye» – «Dobrodetel», Rusistika. M.: RUDN, 20 (1) (2022) 52–67. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>

[8] N.A. Dudova, Kognitivnaya lingvistika v Rossii, Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 3 (2014) 69–71.

[9] T.V. Yevsyukova, Ye.Yu. Butenko, Lingvokulturologiya. M.: Flinta, 2014. 480 p.

[10] V.I. Karasik, Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 p.

[11] V.I. Karasik, Z.D. Popova, I.A. Sternin, Antologiya kontseptov. Volgograd: Paradigma, 2005. 352 p.

[12] V.V. Krasnykh, «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili realnost? M., 2003. 375 p.

[13] V.V. Krasnykh, Kody i etalony kultury (priglaseniye k razgovoru) // Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. statey. M.: MAKS Press, 19 (2001) 5–21.

[14] Yu.M. Lotman, Simvol v sisteme kultury, Izbrannyye stati. T. 1. Tallinn, 1992. Pp. 191–199.

[15] V.A. Maslova, Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku. M., 2011. 296 p.

[16] V.A. Maslova, O.V. Danich, Dukhovnaya energiya russkogo slova kak problema gumanitar-noy mysli, Rusistika. M.: RUDN, 19 (2) (2021) 125–137. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137>

[17] V.A. Maslova, Lingvokulturologiya. M.: Akademiya, 2001. 208 p.

[18] Ye.A. Moshina, Sopostavitelnyy analiz sposobov obyektivatsii kontseptov nadezhda i hope v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2005. 28 p.

[19] Yu.Ye. Prokhorov, V poiskakh kontsepta. M.: Flinta: Nauka, 2009. 176 p.

[20] Yu.S. Stepanov, Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya. M.: Yazyki russkoy kultury, 1997. 824 p.

[21] V.N. Teliya, Metaforizatsiya i yeye rol v sozdanii yazykovoy kartiny mira, Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. M.: Nauka, 1988. 212 p.

[22] V.N. Teliya, Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty. M.: Yazyki russkoy kultury, 1996. 288 p.

[23] N.I. Tolstoy, S.M. Tolstaya, Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2013. 240 p.

[24] **N.R. Urazayeva, Ye.A. Morozov**, Modelirovaniye struktury kontsepta Licht v nemetskoй kar-tine mira // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. Tomsk: TGU, 59 (2019) 87–109. DOI: 10.17223/19986645/59/6

[25] **K. Yan**, Pretsedentnoye imya V.I. Lenin v russkom kulturnom prostranstve, Rusistika. M.: RUDN, 20 (1) (2022) 35–51. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-1-35-51

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Поплавская Татьяна Викторовна

Tatiana V. Poplavskaya

E-mail: taniapoplavskaya@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3228-7750>

Ильичева Инна Леонидовна

Inna L. Ilicheva

E-mail: ilicheva@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/000-0003-3610-8147>

Поступила: 31.10.2022; Одобрена: 22.12.2022; Принята: 26.12.2022.

Submitted: 31.10.2022; Approved: 22.12.2022; Accepted: 26.12.2022.